

К Р О К О Д И Л

Рис. Е. ЕВГАНА

К 556/481-

В некоторых колхозах трудодни начисляются и тем, кто к сельскохозяйственным работам не имеет никакого отношения.

— Запиши, дяденька счетовод, трудодни этому петуху: он каждый день председателя колхоза на работу будит.

НАРЯДУ С ДОСТИЖЕНИЯМИ

КУЛЬТУРНЫЙ отдых, культурное обслуживание, культурный быт, парки культуры, дома и дворцы культуры — стали для нас уже привычными и прочно вошли в нашу жизнь.

Но наряду с такими достижениями мы порою сталкиваемся с фактами, которые вызывают, увы, только горечь.

В самом деле: ну что это получается за культура отдыха, если, скажем, где-нибудь на периферии открыли новый парк культуры, а там табличек о штрафе, грозящем за порчу древесных насаждений, гораздо больше, чем этих самых насаждений?

Почему, спросите вы, в построенном недавно поселковом кинотеатре валяются на головы зрителей кусочки кирпича и штукатурки?

И, наконец, почему в энской районной столовой мухи так засидели плакат, что с трудом разберёшь на нём слова призыва «За образцовую чистоту и за культурный порядок!»?

Обратимся, однако, как говорят некоторые ораторы, к некоторым фактам.

В село Носовку, Фёдоровского района, Ростовской области, благополучно прибыл областной лектор. Приехал лектор, — стало быть, надо провести лекцию. Где же её проводить? Можно в колхозном клубе, а можно и в сельской избе-читальне. Но в клубе из разбитых стёкол и зияющих в крыше дыр дует такой ветрище, что гасит лампы, заглушает людские голоса воем и свистом.

Нет, не получится в этом клубе лекция! Стало быть, в избе-читальне? Но... При входе в это культурное учреждение лектора встретил мычанием уже вполне выросший бычок, и такой запах перегной шибанул гостю в ноздри, что лектор, как говорится, пробкой вылетел на свежий воздух.

Лекция в общем не состоялась. И долго ещё после отъезда областного лектора пожимали плечами предсельисполкома тов.

Задорожный и заведующий избой-читальней тов. Переоридорога. Оба считали, что лектор попался не в меру капризный: мог бы читать и в непосредственной близости с бычком.

— Лучшего помещения и не сыскать. Мы его немножко подремонтируем, да побелим, да стол и скамейки, так уж и быть, установим. Да застеклим. А так читальня аккурат на своём месте!

Предоставим же фёдоровскому районному руководству самому решить, кто в селе Носовке на месте и кто здесь не на месте: бычок ли в избе-читальне или предисполкома у себя в совете. А сами перенесёмся в мир библиотечной деятельности Актюбинского областного центра в Казахстане.

Прекрасное, чистое, светлое, сухое и просторное помещение с паркетным полом — здесь помещается чайная. Это очень приятно, что у нас так заботятся о чайных. Но почему в доме, где пахнет кислой капустой и огурцами, где пол прогнил и в нём множество щелей, приютилась библиотека? Почему, спрашивается, её оборудовали в ветхом здании над подвалами с овощами и пивом? Неужели только потому, что библиотека, не в пример чайной, не приносит прибыли?.. Вот наглядный образчик коммерческого подхода к нашим достижениям!

Вам никогда не приходилось присутствовать на заседаниях исполкомов некоторых райсоветов, когда там обсуждались бюджеты домов культуры? Есть ещё порою такие ревнители районной культуры, которые норовят урвать лишний рубль от библиотеки или Дома культуры и переассигновать его на строительство арки у здания райисполкома.

Зато каким вниманием пользуется у районного руководства Дом культуры, когда там идёт гастрольная постановка или показывают новый кинофильм!

Руководящие работники района охотно посещают Бековский дом культуры в Пензенской области. Посещают вместе со своими жёнами и чадами, причём, как правило, считают зазорным и непристойным для своего высокого положения приобретать билеты. И этими бесплатными визитами ограничивается их приобщение к достижениям культуры.

А в городе Слободском, Кировской области, заведующий отделом культпросветработы тов. Елькин нынешней весной перед открытием городского сада громогласно возвещал:

— Наш сад своей работой повышает культуру человека, роль человека в обществе... От культурного отдыха трудящиеся становятся духовно значительными...

Должно быть, тов. Елькин настолько поглощён своими достижениями в области ораторского искусства, что у него нехватает времени, чтобы привести в порядок запущенный городской сад.

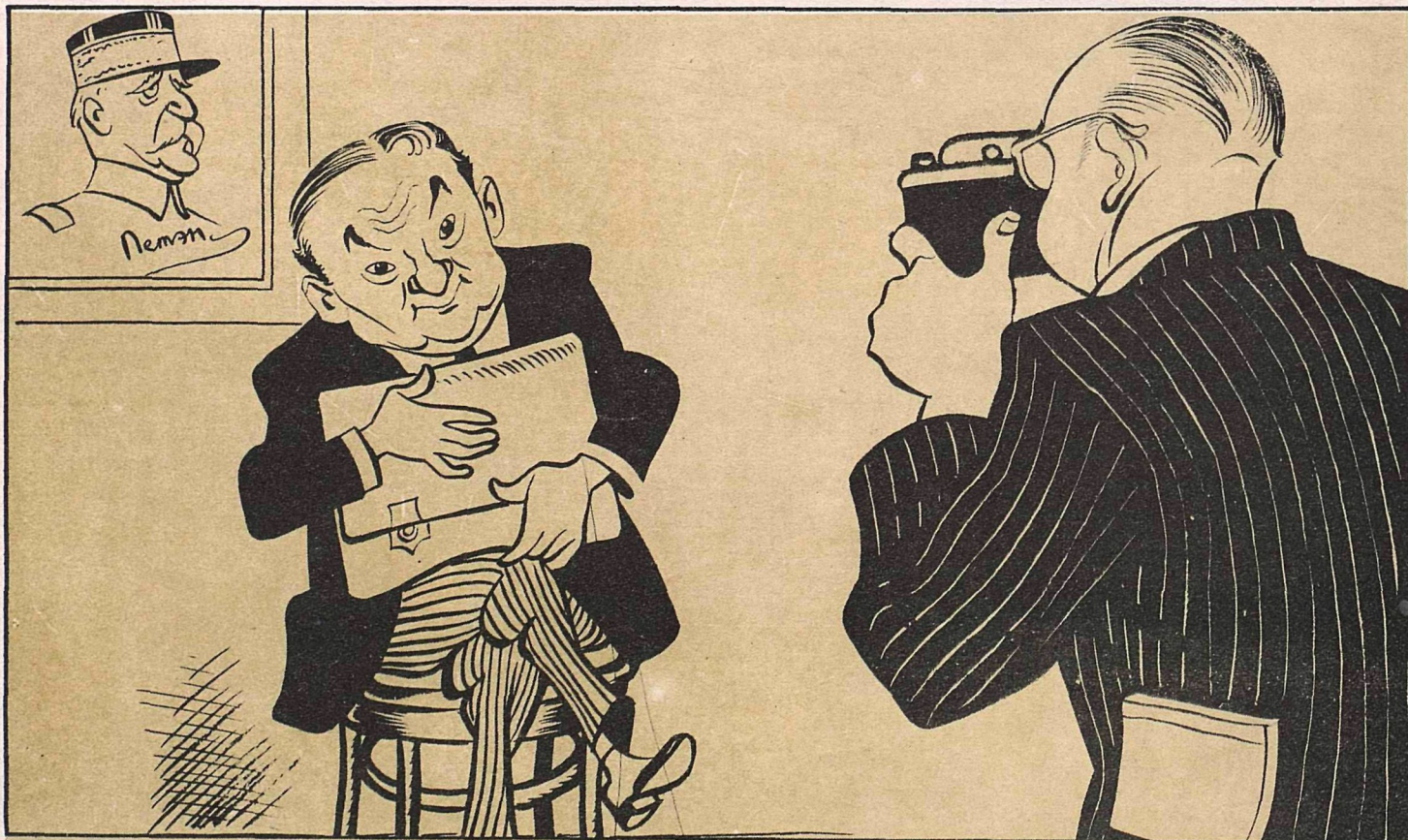
Культурный отдых, культурное обслуживание... Но, между прочим, культуру внедрять тоже ведь надо культурно!

Л. МИТНИЦКИЙ

МЮНХЕНЕЦ В ПАРИЖЕ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Поль Рейно, министр финансов в новом французском кабинете, — бывший мюнхенец.

— Но как вы попали в правительство, мосье Рейно?
— А я предъявил рекомендацию с последнего места.

ВМЕСТО ОБЗОРА ПЕЧАТИ

В английском «Таймсе» опубликовано письмо, где автор высказывает опасение, как бы «Москва» не воспользовалась для своей пропаганды публичным высказыванием одного из министров о том, что «английская пресса занимает в мире по своей продажности первое место».

Что пресса в Англии продажна,
Тому легко найти пример.
Но что на первом месте даже
Она стоит,— навряд ли, сэр!

Покамест есть газеты Херста,
Покамест действует Ялчин,—
Ещё идёт борьба за место
И горячиться нет причин.

И по продажности не просто
Добиться первенства страны:
Зависит многое от спроса
И от предложенной цены.

В сравненьи с прессой стран соседних
По добычню тайных средств
У англичан одно из средних,
Но, так сказать, почётных мест.

У них есть опыт, это верно,
При постановке острых тем —
От неких «писем Коминтерна»
И вплоть до протоколов «М».

Но Херст, как это всем известно,
Шагнул настолько далеко,
Что перекрыть рекорды Херста
И англичанам нелегко!

А то, что пресса их продажна,
Известно всем в СССР.
Вот почему мы мнением вашим
И не воспользуемся, сэр.

О НАГОРНЫХ
ПРОПОВЕДЯХ ДЕ ГОЛЛЯ

Недавно генерал де Голль выступил с речью на восточной границе Франции. Эту речь, как передавали газеты, де Голль произнёс на вершине горы, с которой открывается вид на долину Рейна.

В тот же день муниципалитет города Дрё большинством — четырнадцать голосов против одного — отклонил предложение о том, чтобы пригласить де Голля на торжество открытия бульвара имени генерала Леклерка.

Горожане Дрё правильно рассудили. По всей видимости, Дрё расположен в равнинной местности. В окрестностях нет ни одной горы. А без солидной горы никакого величия у генерала не получится.

АНГЕЛ ИЗ ГОСДЕПАРТАМЕНТА

Реакционная турецкая печать находится в состоянии нервного расстройства. Из Турции уезжает американский посол Вильсон. Черносотенный журналист Ялман написал на днях в газете «Ватан» по адресу Вильсона:

«Этот уважаемый человек заслуживает того, чтобы его считали скорее ангелом, чем человеком».

Бывают, очевидно, не только ангелы-хранители, но и ангелы-дарители. К числу последних принадлежал и Вильсон, который дарил Ялману доллары. С нетерпением ждёт теперь Ялман нового ангела, которого госдепартамент назначит в Турцию.

М. ЯНКО

ВЫПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

1944 год.
— Нет, фашисты от нас не уйдут! Они все...

1948 год.
— ...останутся на своих прежних должностях...

А. Ф. ФЕДОРОВ,
дважды Герой Советского Союза.

Мефодьевич

ОТРЫВОК ИЗ 2-й ЧАСТИ КНИГИ «ПОДПОЛЬНЫЙ ОБКОМ ДЕЙСТВУЕТ»

ГРУППА наших комсомольцев-разведчиков — Мотя Зозуля, Клава Маркова и Андрей Бажеев — отправилась по сёлам, чтобы собрать нужные командованию сведения, а попутно разбросать и передать нашим людям для распространения листовки. Сотен пять листовок, направленных против немцев, засунули за пазуху разведчики.

В Орловке, большом селе, они шли посредине улицы, обыкновенные крестьянские девушки и с ними молодой парнишка. Навстречу им попадались старухи, старики и такие же, как они сами, девушки и парни. Разведчики здоровались, спрашивали, как пройти к мельнице, и тут же незаметно совали в руки прохожих маленькие квадратные листки бумаги.

И вдруг со скоростью пожарной команды в село ворвалась на нескольких грузовиках группа немецких солдат. Что делать? Бежать? Нельзя! Обратишь на себя внимание немцев — и тогда всё пропало!.. Разведчики медленно продолжали идти по дороге, надеясь, что немцы сочтут их за здешних.

Солдат прибыло в село человек пятнадцать. Вели они себя странно: соскочили с машин, разбежались в разные стороны и стали хватать всех, кто попадал под руку: стариков, старух, подростков. Схватенных гнали к машинам и, подталкивая прикладами, заставляли лезть в кузова. Не обыскивали, ни о чём не спрашивали, ничего не объясняли... Набили машины и полным ходом двинулись в сторону районного центра — местечка Холмы.

Наши разведчики попали на последний грузовик. Людей в кузов набралось человек двадцать пять. Они стояли, держась друг за друга, все перепуганные, с бегающими глазами, бледные. Сперва только молча переглядывались, но минут через пять стали перешёптываться:

— Что бы это могло значить? Куда нас везут? Почему брали первых встречных?

Людей в машине качало, толкало, они падали, садились на дно кузова. Девушки повизгивали, старухи покрывались; но потом стали осваиваться со своим новым положением.

— Надька, чего с размаху плюхаешься? — кричала какая-то женщина. — Знаешь ведь, что у меня коленка ушибленная!

— Ничего, тётки, привыкайте, — раздался из гущи чей-то надтреснутый, старческий голос. — Скажите спасибо, гроши за провоз не берут. Раньше до Холмов ехали, — считай, тридцатка из кармана долой, а нимцы-благодетели за свой счёт в петлю везут...

— Ну, пошёл брехать наш артист, — откликнулся женский голос. — Помолчал бы ты, Мефодьевич, без тебя тошно.

Но старичок за словом в карман не лез. Он ответил какой-то шуткой. Несколько человек с готовностью рассмеялись. Вероятно, был этот Мефодьевич из породы тех старичков-комиков, которые ни в какой обстановке не теряются.

Наши разведчики не прислушивались: им было не до разговоров. За пазухой у каждого осталось по сотне с лишним листовок. Не надо и обыскивать. Достаточно потрясти за ворот — и посыплются.

Машины шли со скоростью никак не меньшей, чем сорок километров в час. Через населённые пункты мчались, оглушающе сигналивая, ну совсем, как пожарные. Солдат в кузове не было. Однако на подножках стояли автоматчики. Спрыгнуть незаметно на ходу они, конечно, не дали бы.

Мотя Зозуля, наиболее опытная разведчица из нашей тройки, оглядев окружающих и подмигнув своим, осторожно вытащила из-за пазухи пачку листовок. Она опустила руку с листовками за борт и с

силой бросила их на землю. Неожиданно ветер подхватил бумажные квадратики, закрутил, и они взвились за машиной, поднялись облаком.

Мотя покраснела и съёжилась, будто ожидая удара. Все в машине молчали.

И опять раздался надтреснутый голос:

— Фрицы-то не только, значит, народ хватают. Заодно и агитацию разводят.

Шумел мотор, скрипела, покачиваясь на рывинах, машина, но ребятам нашим показалось, что они слышали общий вздох облегчения.

Кто знает, поверили ли арестованные, что листовки действительно разбрасывают сами немцы, или просто обрадовались хо-

рошему объяснению. Во всяком случае, старичок разрядил обстановку. Снова начались разговоры.

Мефодьевич выбрался из гущи тел и устроился рядом с разведчиками. Седая растрёпанная бородёнка трепыхалась на ветру, нос от холода покраснел. Но шапка сидела у него набекрень, один ус воинственно задрался кверху, в глазах горел лукавый огонёк. Снова он пустился в громкие рассуждения. Говорил, видимо, не задумываясь, лишь бы не молчать.

— А что, паны, — воскликнул он, закручивая ус, — едем мы теперь в одной машине с иностранцами! Думал ли, мечтал ли я когда о таком новом порядочке?!

Пока ему кто-то отвечал, он прижался плечом к Моте и быстро стал шептать:

— Ты, дивчина, зря по степу не кидай. Предназначено для народа, верно понял?.. Значит, среди народа и сей... Вот будем ехать селом, тогда и бросайте...

Когда поровнялись с каким-то селом, Мефодьевич стал с азартом толкать под бока наших ребят:

— Кидайте, чего же вы! Да не бойтесь, я отвечаю!

Что говорить, был в нём талант озорника, и других он умел зажечь! Ребята выбросили в селе часть листовок. В машине теперь все уже, конечно, понимали, что листовки кидают не фрицы, но делали вид, что ничего не замечают.

За машиной бежали мальчишки, ловили в воздухе листовки. Арестованные хохотали. Когда немцы подозрительно зашевелились на подножках, женщина с длинным и скорбным лицом крикнула, как в детстве:

— Ховайтесь!

Над бортом появилась голова солдата. Он ничего не понял. С недоумением смотрели глаза немца на этих странных русских: «Чего они смеются?» Зло сплюнув и выругавшись, он отвернулся. Но уже нельзя было, конечно, бросать листовки. Немцы повысили внимание.

А Мефодьевич разошёлся. Он был в ударе. У разведчиков осталось ещё сотни три листовок. Старик стал упрашивать:

— Отдайте мне... Да вы не бойтесь, я выкручусь, давайте, да ну, скорее!.. У нас в селе почитают. Не пропадать же!

Он сунул оставшиеся листовки за ворот рубахи, запахнул свой колушок и самодовольно улыбнулся.

— Расступись! — закричал он. — Да пропустите же, люди добрые, пропадаю!

Люди не понимали, что собирается делать Мефодьевич, но давали ему дорогу. Он пробрался вперёд и бешено заколотил по крыше кабины. Все притихли. Машина резко затормозила.

По обе стороны дороги лежало поле. За кюветом торчало несколько обтрёпанных заснеженных кустов. Солдаты соскочили с подножек. Вылезли и те, что были в кабине. Заорали гортанными голосами.

Мефодьевич кивнул головой в сторону кустов, согнулся пополам, схватился за живот и при этом скривил такую жалкую, страдальческую гримасу, что даже немцы не удержались, прыснули со смеху.

— Почекайте трохи, подождите, бите, я зараз, сейчас, — пробормотал он и торопливо слез на землю.

Немцы продолжали смеяться. Они и в самом деле подождали, пока Мефодьевич спрятал за кустом листовки, посидел ещё там с минуту и вернулся с лицом счастливым и глупо самодовольным.

В Холмах всех выгрузили на площади. Оказалось, что туда по приказу гебиткомиссара свезли первых попавшихся крестьян из десятков сёл. Свезли лишь для того, чтобы они выслушали речь этого самого комиссара. Как только разведчики наши узнали, что они свободны, сейчас же постарались ускользнуть от своих спутников. Лучше подальше от свидетелей. Одно дело в машине, другое — в райцентре!

Они и совсем бы ушли, но оказалось, что

площадь оцеплена. До конца митинга никого не выпускали. Наши стали в стороне и выбрали место, с которого быстрее всего можно убраться. Минут через десять после их прибытия на деревянную трибуну влезло несколько немцев. Один из них начал речь.

Он ругался, плевался, угрожал. И хоть ораторствовал он по-немецки, люди стояли притихшие, подавленные, понимая, что гебитскомиссар хорошего не скажет. Потом говорил переводчик, тоже немец:

— Вас имели позвать сюда в целях вашей трансляции родственникам и знакомым, что мы, немцы, шуток абсолютно не любим...

Кто-то в толпе неестественно громко чихнул.

— Мы шуток не любим, — повторил переводчик. — Наши агенты, наезжая в сёла, не имеют среди крестьян радушной встречи... Что это есть? Это есть признак агитации лесных бандитов, которые не советуют давать немцам продовольственных продуктов, свиней и хлеба. Это считается нами как саботаж. Это считается нами как проявление подчинения уничтоженной большевистской власти. За указанное проявление мы больше милость не пожелаем и поторопимся безжалостно уничтожить гнезда. Расстреливать. Казнить...

Совершенно в тон ему, как бы продолжая речь переводчика, кто-то в толпе сказал:

— Резать и засаливать...

— Что там произнесено? — строго спросил переводчик.

Все молчали.

— Я имею решительную просьбу повторить. Я недостаточно слышал. Кто произнёс слова?

Поднялась рука, и наши ребята увидели Мефодьевича. Старик, видно, вошёл в роль, не мог остановиться, успех в машине его вдохновил:

— Это я произнёс слова, господин переводчик.

— Какой смысл вы хотели изложить?

— Я хотел поддержать ваше начинание. Вы сказали «расстреливать и казнить». А я считаю, что этого мало, как имеются люди, которые трохи путают и гнут в противоположную, так и далее. Вредят крестьянству и новой власти, которая... В общем я поддерживаю от всей души ваше мероприятие...

Вряд ли немец-переводчик разобрал всё, что говорил Мефодьевич. Но решил, видно, что старик этот — голос народа, и этот голос его, немца, поддерживает.

Переводчик продолжал свою речь, а Мефодьевич время от времени выкрикивал:

— Правильно! Хай буде так! Дуже гут, дуже битте!

При этом он сохранял поразительно спокойное выражение лица.

Переводчик, окончив речь, пошептался с гебитскомиссаром, с бургомистром Холмов, с каким-то полицейским. Потом поманил к себе пальцем Мефодьевича. Мефодьевич поднялся на трибуну. Он стоял перед гебитскомиссаром, как царский солдат: выкатил грудь колесом, ел глазами начальство. Переводчик прошептал ему что-то на ухо. Мефодьевич выразил на своём лице понимание и готовность. Потом повернулся к народу, начал говорить.

Сперва и крестьяне сочли, верно, что старик этот — немецкий холуй, слушали его хмуро.

— Граждане! — воскликнул Мефодьевич, как заправский оратор, но тут же повернулся к переводчику и сказал: — Извиняйте, выскочило по старой привычке! Паны! — воскликнул он снова. — Уважаемое крестьянство! Нам что сказано? Нам сказано, что Германия хочет народу добра, чтобы швидче окончить войну и разбить остатки Червонной Армии. Правильно сказал пан комиссар, что для цього потребно усим взятися сообща за наше крестьянское дело и наплевать на политику. А что мы бачим? Мы бачим, что народ помогает лесным бандитам, разным там нашим братьям, и сёстрам, и деточкам. Разве это новый порядок? Я предлагаю поддержать инициативу пана комиссара и с сегодняшнего дня,

колы придёт из лесу чи твой чоловик, чи мий сын, чи брат, хватить его за шкуру и тащить в полицию. А буде сопротивляться — уничтожать его на месте, як бандита, который мешаает нашим благодетелям-нимцам.

Говорил всё это Мефодьевич удивительно серьёзно, то и дело оглядываясь на немцев. Он, конечно, подметил, что переводчик знает русский язык формально. Народ тоже раскусила трюк оратора. Лица оживились. Кое-кто улыбался. А некоторые, наиболее благоразумные, делали ему знаки: морщили брови, кивали головами в сторону, — мол, поозорничал и хватит. Но Мефодьевич не унимался.

— Я считаю, — продолжал он, — что мы хоть и стали теперь панами, всё-таки недоуваем, что нимцы нам принесли освобождение. Вот колы ко мне пришли нимцы забирать корову, кабанчика, гусей та курей, вы думаете я дрался? Ни, я освободился от усего с радостью. А вчера пришли, просят теплу одежду, чтобы не мёрзнул немецкий солдат пид Москвой. Так я с пониманием и радостью освободился от штанив, а надо будет, и от пидсподников освободюсь.

В толпе уже многие улыбаются, а кое-кто еле сдерживал смех. Гебитскомиссар с недоумением поглядывал то на оратора, то на переводчика. Мефодьевич обернулся к немцам и сказал:

— Я прошу вас, пан переводчик, сказать начальству, что украинцы не пожалеют для победы немецкой армии ни штанив, ни курей, ни жинок, ни детей...

Он подождал, пока переводчик выполнил его просьбу. Комиссар, видимо, успокоился, улыбнулся и похлопал в ладоши. Мефодьевич тоже улыбнулся и продолжал, возвысив голос:

— Как честна стара людина, я должен сказать в порядке самокритики, что сам ещё не полностью проявил любовь к нимцам. Коли б я був помоложе, ну як той хлопце, чи як та дивчина, — он показал на кого-то в толпе, — то пошёл бы в лис и стал бы уничтожать эту наволочь, что рущит наше счистливе життя!..

Теперь в толпе уже никто не улыбался: слушали внимательно и очень серьёзно. Переводчик испытующе взглянул на оратора. Но опять успокоился. Мефодьевич сказал:

— Записался бы добровольно в полицию, получил бы винтовку, пулемёт и доказал бы тем бильшовикам, что попрятались в лисе, что не одни воны могут пользоваться оружием. Будь бы я помоложе, так не сидел бы с бабой в хате, да не глушил бы горилку, як то роблят некоторые полицаи. Я б показал нимцам, что мы, украинцы,

умеет ценить свободу, что есть ещё у нас смелые люди!

Бургомистр — украинец из какой-то западной области, хотя и не очень хорошо понимал смешанный русско-украинский язык старика, сообразил, что в речи его таится подвох. Он наклонился к переводчику и стал ему что-то шептать. Но переводчик в ответ презрительно улыбнулся. Он был убеждён, что и сам прекрасно владеет языком. А Мефодьевич всё больше входил в роль и забыл осторожность. Зря он затронул полицию. Тут присутствовало несколько этих предателей с повязками на рукавах. Они ведь и в самом деле не столько боролись с партизанами, сколько пьянствовали и грабили население. Один из них, что стоял неподалеку от трибуны, крикнул:

— Эй, старик, ты что это агитировать вздумал?! Ты эту самокритику забудь!

Но Мефодьевич не растерялся. Обернувшись к переводчику, он с возмущением сказал:

— Пан офицер, чи я не правильно говорю?

— Очень правильно, — ответил переводчик, — гут, но заворачивайтесь, — и он подал Мефодьевичу знак, чтобы тот сошёл с трибуны.

Но старик сделал вид, что не понял. Он крикнул полицаю:

— Что, съел? Правильно я говорю, что зря вам, сволочам, дали оружие. На партизан-то вы боитесь идти...

Переводчик, раздражаясь, сказал:

— Прекратите. Жалобы в сторону действий полиции надо относить комендатуре от часа дня до двух по вторникам.

— А вы ему скажите, пан переводчик, чего вин причепился. Я дело говорил, а вин лезет... Я вам прямо скажу при всём народе: в полиции одни воры и сволочи. Колы б воны были честны люди, то не боялись самокритики и не затыкали бы рот.

Несколько полицейских собрались в кучу и стали подниматься по лестнице трибуны, чтобы схватить старика. Но комиссар сделал им знак отойти.

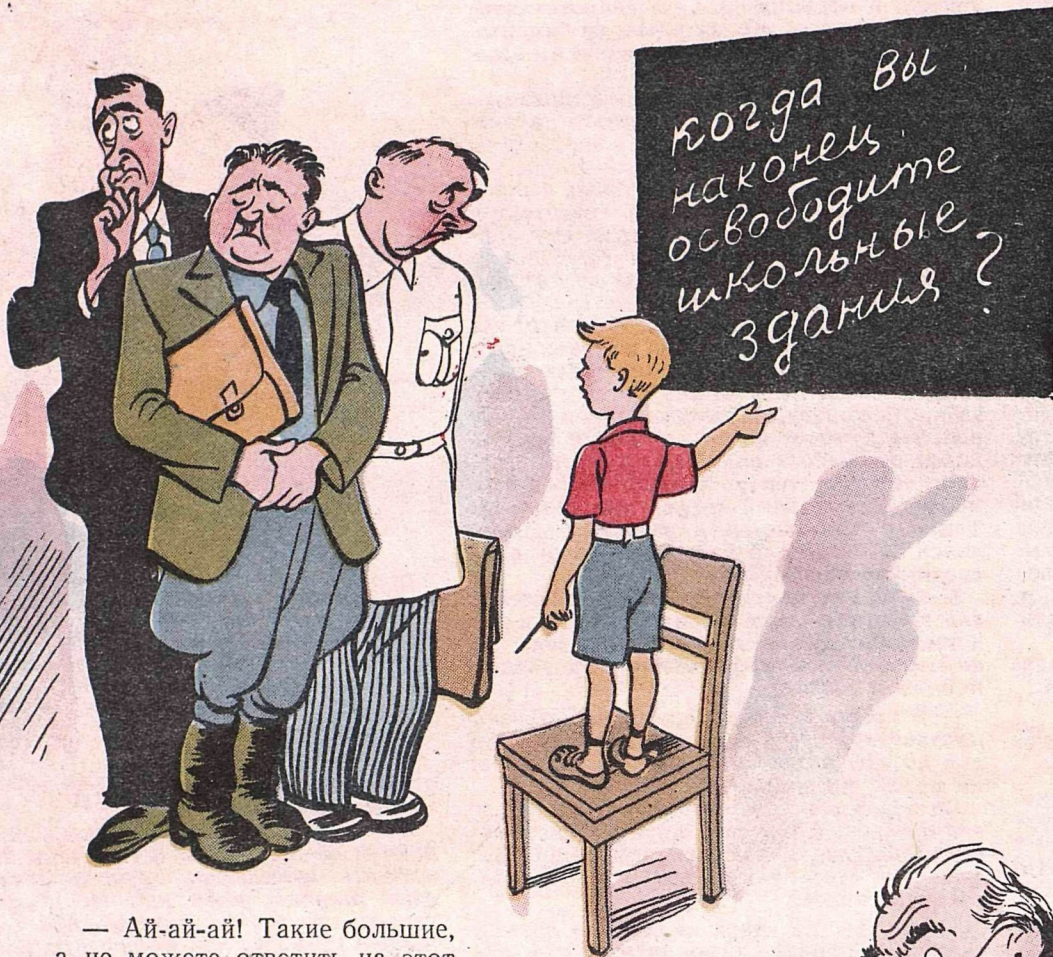
— Извиняйте, я разволновался, — протатораторил Мефодьевич. — Разрешите продолжать?

— Найн, найн, идите.

С торжествующей, самодовольной улыбкой Мефодьевич прошёл мимо полицейских. Толпа расступилась перед ним и тут же сомкнулась.

Литературная запись
Евг. БОСНЯЦКОГО

Иллюстрации Г. Валька

— Ай-ай-ай! Такие большие, а не можете ответить на этот простой вопрос!

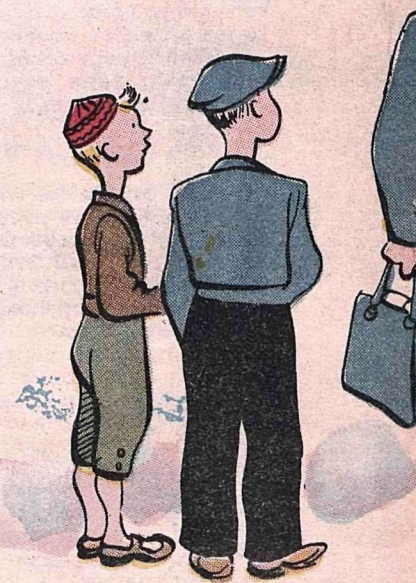

— Что вы скажете об этой истории?
— История так себе... средняя.

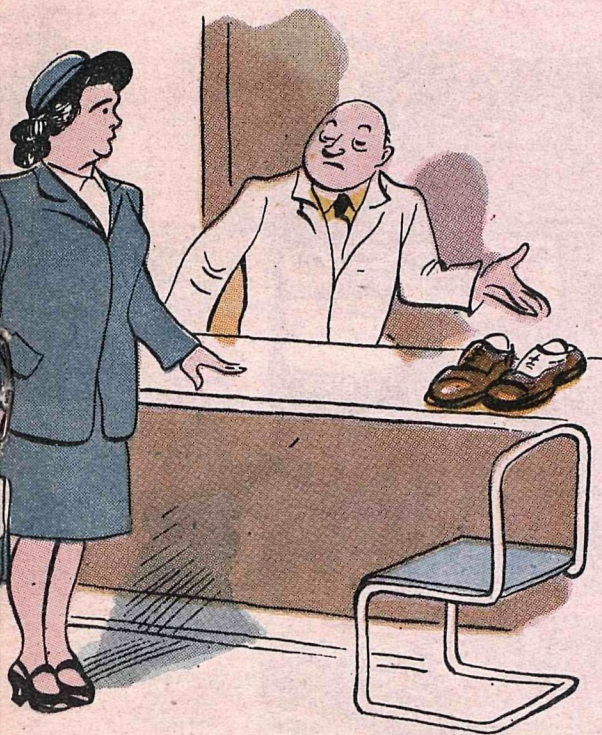

Академия педагогических наук. На страницу, посвящённую школе, попала совершенно случайно. К школьным делам имеет, к сожалению, пока отдалённое отношение.

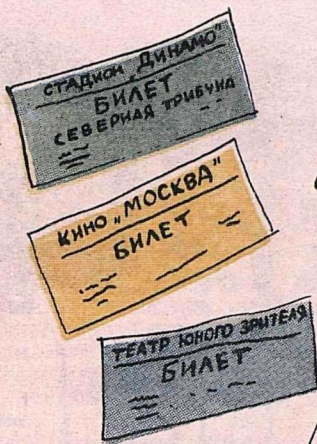
ПОЖАЛУЙТЕ К ДОСКЕ!..

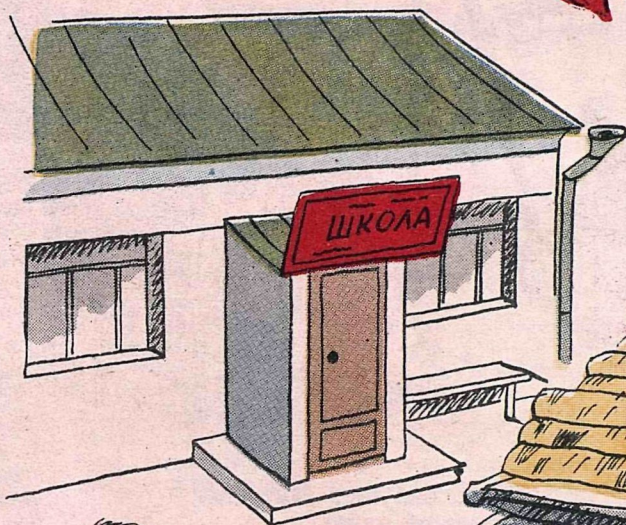
Воробей: — Вот где меня действительно ценят!

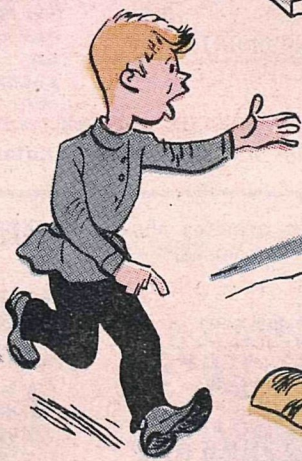
— Сколько лет вашим ребятам? Восемь, девять, говорите? Вот и хорошо. Эта пара обуви как раз для семнадцатилетнего!

Каких только билетов нет в кармане у этого школьника! И на футбол, и в кино, и в Детский театр. Вот только ученического билета у школьника нет (не удосужились издать).

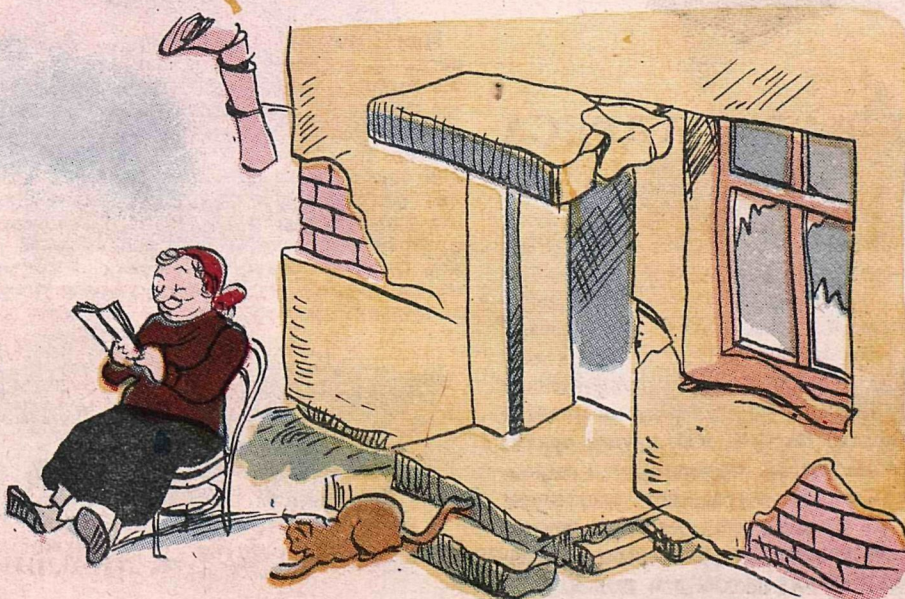
Боголюбовская семилетняя школа Владимирской области не обеспечена на зиму дровами.

— Дяденька! Полено обронил!
— Да нет, это сельсовет вашей школе на зиму заготовил.

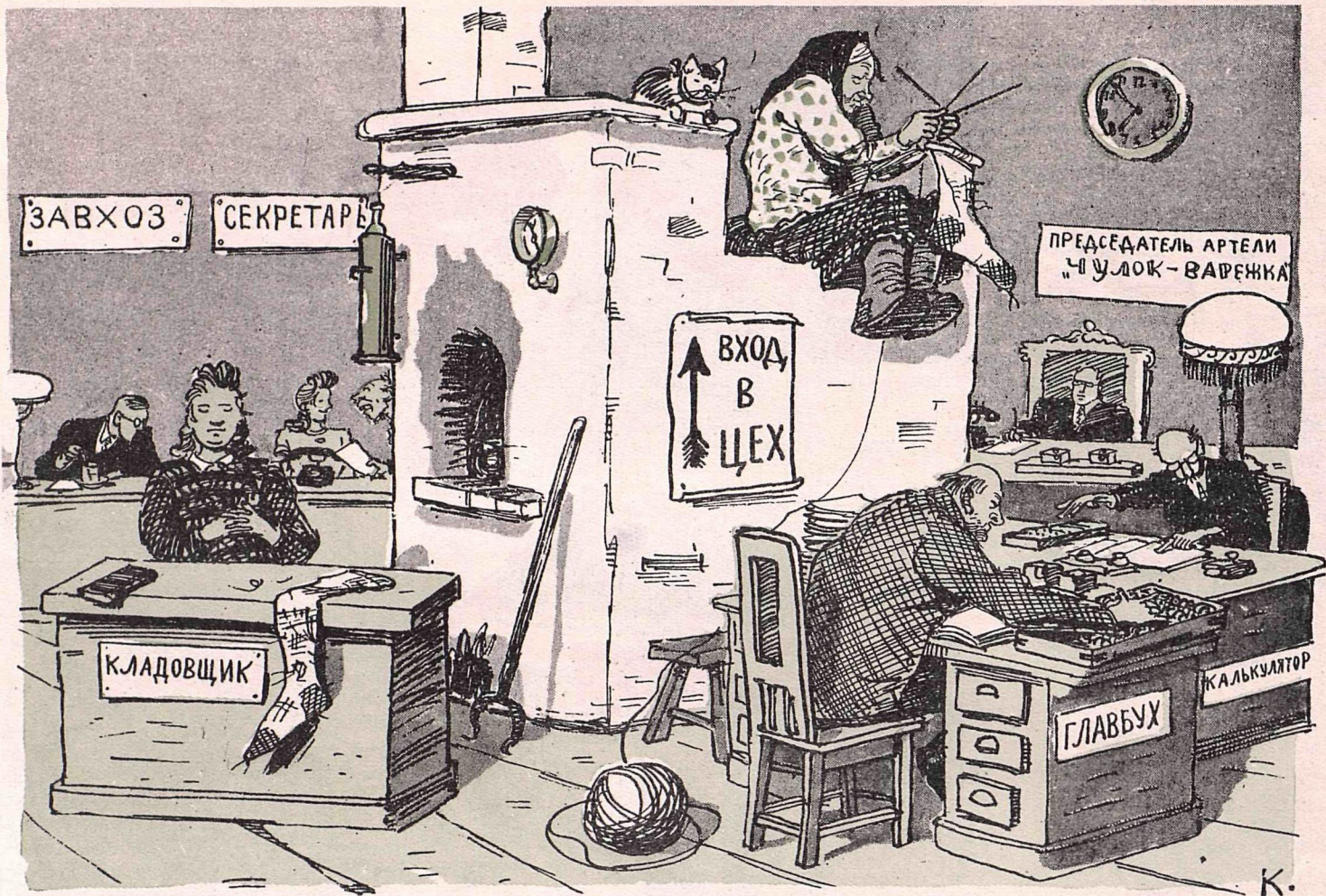

— Цветок засушить, ребята, не так уж трудно. Вот профессор Всесвятский умудрился засушить целый учебник ботаники!

— Тишина-то какая! Ребята на каникулах, горсовет дремлет, ремонтная контора отдыхает...

ПРОМАРТЕЛЬ «ЧУЛОК-ВАРЕЖКА»

Возле бабушки Матрёны,
Вяжущей чулок
(Посмотрите на рисунок!),
Собрался кружок

в составе председателя промартели, главбуха, калькулятора и многих других, как изображённых, так и не изображённых на рисунке канцелярских штатных единиц.

Огорчённому радиолюбителю остаётся лишь поблагодарить авторов приёмника по адресу:

СООБЩАЕМ АДРЕСА

Радиоприёмники «Урал-47М» легко распознать не столько по внешнему виду, сколько по издаваемым ими звукам. Так, при настройке на длинных волнах они, кроме скрипа, визга, шума и треска, ничего больше не могут воспроизвести. Кроме того эти радиоприёмники отличаются ещё тем, что окончательно выходят из строя гораздо быстрее всех других приёмников, имея тенденцию распадаться на составные части. Сначала отказывают регуляторы громкости, их примеру следуют переключатели, затем отваливается задняя крышка, перегорают лампочки для шкалы и т. д. и т. п.

Нам пишет моряк тов. Филипченко: когда он получает саранскую махорку, он тут же выбрасывает её за борт корабля, потому что курить эту махорку никак нельзя: она без всякой крепости и по вкусу очень напоминает полынь.

У тов. Филипченко более выгодное положение по сравнению с другими курильщиками. Он имеет возможность легко избавиться от махорки, выбросив её в бездонное море. А вот как поступать другим? С этим наболевшим вопросом рекомендуем обращаться к тому, кто производит этот табачок:

НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО

На берегу Урала, в трёх километрах от города Гурьева, исчез плодопитомник Министерства сельского хозяйства Казахской ССР.

Он исчез, словно его корова языком слизнула. Однако заподозрить в этом даже самую мощную корову нельзя было, поскольку площадь питомника равнялась шестнадцати гектарам.

Сначала исчезли наиболее плодородные участки. Они были безвозмездно реквизированы и освоены под индивидуальные огороды руководителями областного управления сельского хозяйства: заместителем начальника Касимовым, заместителем начальника по кадрам Садыковым, старшим агрономом Лобачёвым и прочими.

Затем подобные же мероприятия энергично провели хорошие знакомые директора питомника тов. Галочкиной, а их доблестному примеру последовала и сама администрация питомника.

Затем чада и домочадцы предприимчивых огородников соизволили скушать все плоды с фруктовых деревьев.

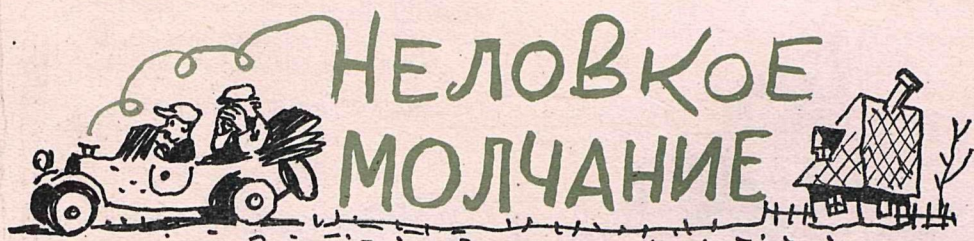
И так далее и так далее, пока однажды поутру тов. Галочкина не убедилась, что питомник более не существует. Этому естественному обстоятельству она ничуть не удивилась.

Не удивилось и министерство, и даже не обеспокоилось.

Для этого не было оснований. Ведь питомник исчез только на берегу Урала. На бумаге он существует до сих пор.

В. СТЕПНОЙ

Гор. Гурьев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТОВАРИЩ Лохтин вышел из машины и орляным взглядом окинул пространство.

Перед ним был новый посёлок.

Широкие улицы с зелёными насаждениями радовали взгляд. Светлые домики ровными рядами окаймляли горизонт. На мгновение он закрыл глаза от прилива восторженных чувств. Как ни говорите, восторженные чувства могут охватить всякого, тем более Лохтина — помощника директора Ижевского машиностроительного завода: ведь это он возглавлял строительство нового посёлка.

Лохтин отчётливо себе представлял, как радостно встретят его сейчас те, для кого он столько потрудились, как будут приглашать его на чашку чая, угощать пирогами на новоселье... Если принять все приглашения, — честное слово, он будет обеспечен торжественными обедами на полгода.

Мысли Лохтина улетали всё дальше и дальше. Он уже видел разрастающийся город. Вот на центральной площади разбили цветники, устроили фонтаны... Как знать, может быть, благодарные потомки вспомнят его, первого строителя этого нового города, и его помощников — начальника стройки Журавлёва и начальника управления капитального строительства Хохлева. Золотыми буквами запишут благодарность директору завода товарищу Сысоеву, который не пожалел для нового города ни сил, ни средств. Тут товарищ Лохтин оборвал свои размышления и сел в машину, чтобы поскорее принять заслуженные почести от новосёлов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Въехав в посёлок, Лохтин увидел нечто неожиданное. Никто не сидел за столом, не справлял новоселье. Наоборот, многие почему-то сидели на крышах, другие висели на стремянках и в люльках, третьи стучали топорами, словно никогда и не занимались другим делом.

Фонтана не было. Не было и водопровода. И колодезь не было. Женщины тащились в гору с вёдрами на плечах — от родничка в километре от посёлка, возле которого недавно останавливался Лохтин, чтобы полюбоваться видом. Правда, приглашения посылались со всех сторон, но тон этих приглашений не понравился Лохтину. Стахановец Ахметшин приглашал подняться на крышу, которую перекрывал заново. Хомяков, конопативший пазы своего нового дома, молча просунул руку в щель и укоризненно покачал головой. Ещё у одного дома мужчина и мальчик месили глину, и Лохтин без приглашения понял, что в доме обвалилась печь...

Стараясь не слышать несшихся со всех сторон приглашений, Лохтин угрюмо кивнул шоферу:

— Давай, давай! Да поживее!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда Лохтин вернулся на завод, в кабинете директора шло совещание по поводу сдачи нового посёлка и планировки другого. Лохтин постарался войти незаметно, но директор сказал:

— Вот кстати! А что, товарищи, мы ведь забыли наших строителей! Надо их премировать...

— Правильно, правильно! Следует, — поддержали директора присутствующие. — Давайте премируем Лохтина новым домиком. Вот тут, по плану, остался один, двухквартирный. Как раз в центре, на самой площади. И, главное, поближе к массам...

Лохтин испуганно отшатнулся:

— Не надо, товарищ директор!

— Почему же? — удивился директор. — Ведь отдельный домик. Собственный!

— Да у меня есть квартира в городе...

— Знаю я твою квартиру. И плохая и далеко от завода.

— Да не стоит, товарищ директор, ей богу, не стоит...

— Дом двухквартирный, — неумолимо продолжал директор, — как раз для тебя и для Журавлёва...

— И Журавлёву не надо! Честное слово, не надо!

Директор внимательно поглядел на своего помощника, прочёл что-то в его глазах и замолчал. И все остальные замолчали.

И это неловкое молчание продолжается до сих пор. Говорят одни новосёлы. И говорят о дирекции завода весьма нелестно. А дирекция продолжает отмазливаться. И дома, сданные недостроенными, продолжают разрушаться. И товарищ Лохтин больше не выезжает в посёлок, хотя новосёлы часто, очень часто поминают его.

ТАЙНЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

В магазин Майкопского потребсоюза входит гражданин. Подойдя к прилавку, он обращается к продавцу:

— Кухонные чугунные плиты есть?

— Пожалуйста! Платите в кассу пятьдесят рублей.

— Почему пятьдесят? — лугается покупатель.

— Очень просто — транспортные расходы и прочее. Ведь плиты присылают нам из Ростова. Учтите, гражданин!

— А зачем их из Ростова присылать, — не унимается пытливый покупатель, — если они изготавливаются здесь, в Майкопе, станкостроительным заводом имени Фрунзе? Вот и продавали бы их здесь, на месте.

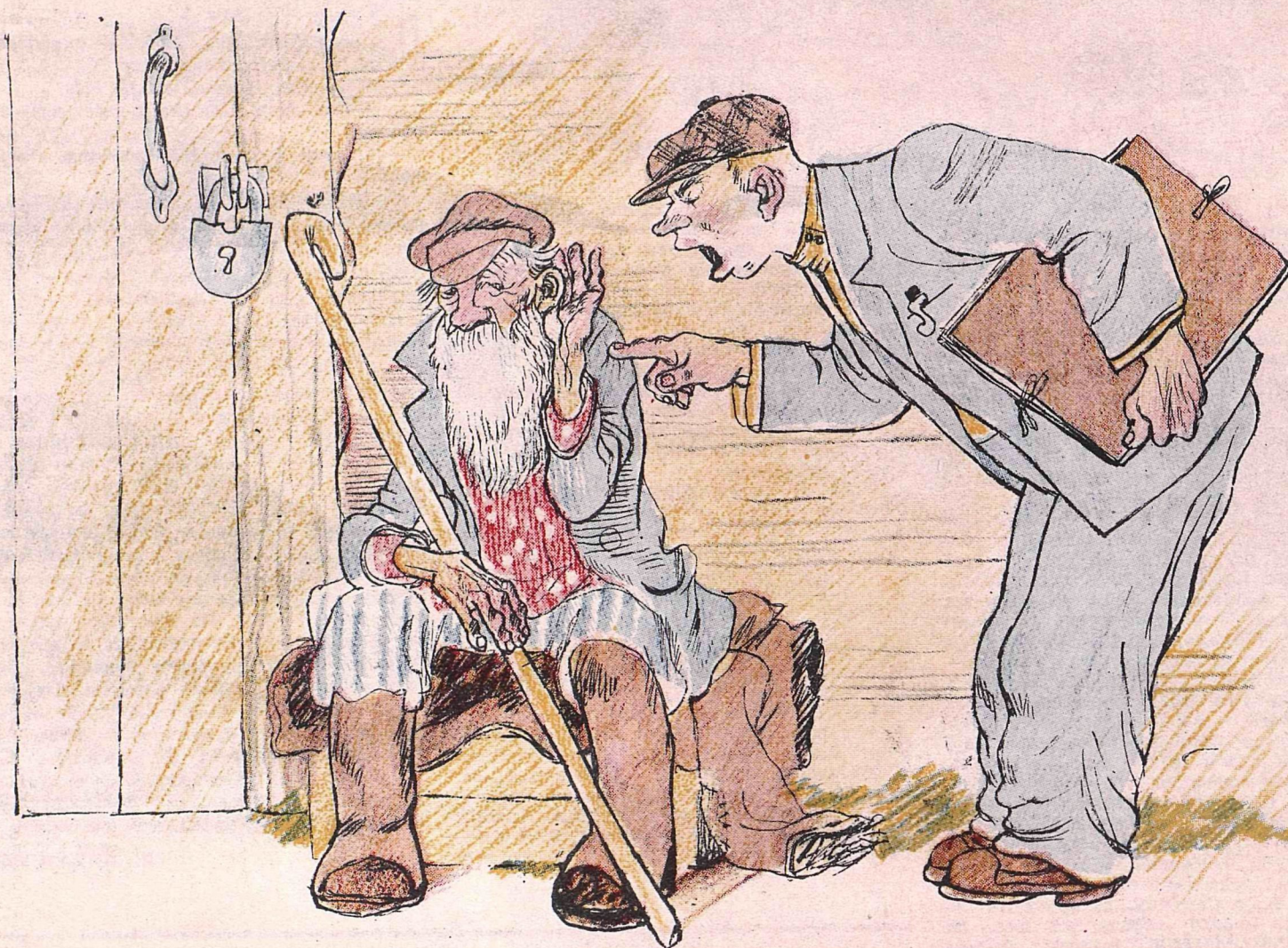
— «Продавали на месте, продавали на месте»!.. Вам хорошо так рассуждать, милый гражданин! А вы попробуйте послушаться начальства, которое распорядилось всю продукцию цеха ширпотреба завода сдавать ростовским торговым организациям. А ростовцы, спасибо им, не забывают нас и нет-нет да и пришлют в Майкоп партию плит. Правда, был однажды непредвиденный случай, когда не оказалось свободных вагонов для погрузки продукции и завод вынужден был выбросить её, во избежание затоваривания, в магазины Майкопа. Тогда, насколько я помню, плиты шли по тридцать рублей, а не по пятьдесят. Но то было явное нарушение установленного порядка, и кое-кому, вероятно, нагорело за это. Но теперь, слава богу, всё в порядке. Плиты, согласно плану, отправляются из Майкопа в Ростов, а оттуда обратно в Майкоп... Так что берёте плитку, уважаемый, или нет?..

Л. МИХАЙЛОВ

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Итак, подсчитаем. Нового кабинета мне не покупали — 25 тысяч экономии, дачу моего заместителя не отремонтировали — 12 тысяч экономии, банкета по случаю моих именин не устраивали — 8 тысяч экономии. И даже если вычесть убыток от брака — 18 тысяч, — у нас остаётся 27 тысяч прибыли!

— Дедушка! Будь бдительным. Прислушивайся к каждому шороху!
— Ась?!

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ ПОЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ!

В лице своей жены начальник технического отдела Краснодарского управления кинофикации тов. Канищекер нашёл верного друга и помощника. Преданная подруга помогает своему мужу составлять технические проекты киноустановок, получая за это соответствующий гонорар.

Всё шло хорошо. Но вдруг стряслась беда: заболела жена-проектировщик, — и вследствие этого непредвиденного обстоятельства не может открыться совершенно готовый к эксплуатации кинотеатр «Шторм» в станице Крымская: нехватает технического проекта киноустановки.

Убитому горем Канищекеру не до пуска «Шторма». Он не может поручить составление необходимых данных другим сотрудникам технического отдела, томящимся без работы. Верный муж с нетерпением ждёт выздоровле-

ния жены, которая одна, по его мнению, в состоянии справиться с работой.

Так пожелаем же скорейшего выздоровления горячо любимой супруге Канищекера, а заодно излечиться и ему от тяжкого недуга, именуемого в медицине «Semeystvennost» («семейственность»).

МЕДИЦИНСКИЕ КАДРЫ

Граждане села Сорочкина (Тюменская область) не могут пожаловаться на отсутствие внимания к ним со стороны заведующего райздравотделом тов. Гладуна. Для обслуживания населения инициативным Гладуном привлекаются многочисленные кадры медицинских работников.

Так, недавно санитарка. Осколкова, вероятно, в порядке повышения квалификации, принимала больных. И вовсе нескверно справилась со своими обязанностями. Она даже пыталась применять новые методы лечения. Двум больным, например, санитарка-новатор вместо глазных капель собралась впрыснуть иод. Хорошо, что пациенты оказались грамотнее «врача» и наотрез отказались от такого, с позволения сказать, лечения.

Что же касается настоящих врачей, то они благодаря такой постановке дела в райздравотделе имеют много свободного времени и занимаются своими частными делами. И тоже

не жалуются на заведующего райздравотделом, хотя он, по всем данным, не проявляет к ним должного внимания.

НЕВАЖНОЕ ЗРЕНИЕ

Инвалид Отечественной войны Старостин обратился в Таласский областной суд (Киргизская ССР) с жалобой на Кировский сельсовет по поводу незаконного выселения из квартиры. И вот пришёл ответ:

«Старостину Ивану Трофимовичу.

Для разрешения вашей жалобы прошу вас выслать в Таласский областной суд справку о составе вашей семьи и справку о гибели мужа на фронте.

*Заместитель председателя Таласского областного суда
Приезжев».*

Прочёл Старостин эту бумажку раз, другой и не поверил глазам своим. Решил, что с его зрением что-то случилось.

Мы можем успокоить тов. Старостина: видит он хрощо. Скорей, болеют глазами работники Таласского областного суда и, щадя своё зрение, избегают читать поступающие в суд жалобы.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Есть в Сибири Анжерский вагоноремонтный завод. И есть в той же Сибири начальник Тайгинского отделения Томской дороги Кузнецов.

Был у завода вагон, в котором рабочие ездили по заданиям дирекции. И было у Кузнецова в один из декабрьских дней прошлого года дурное настроение. И сказал Кузнецов: «Хватит ездить!»

С той поры вагон и отдыхает. Министр путей сообщения тов. Бещев приказывает вернуть вагон заводу, а Кузнецов не хочет.

И вот свыше полугода вагон стоит на станции Тайга, Кузнецов стоит на своём, и сколько будет длиться это стояние, сказать не может никто.

Кроме, конечно, самого Кузнецова.

ФИЛАНДЫШЕВ,

начальник отдела кадров
вагоноремонтного завода

Станция Анжерская.

Товарищ Крокодил!

Ты видал, должно быть, как дети играют в карточные домики: стоит только слегка подуть на домик — и карты разлетаются в разные стороны.

Примерно такую же картину ты мог бы наблюдать, если бы приехал к нам в Чернуху и посмотрел на строящийся Дом культуры.

На постройку ухлопали свыше четырёхсот тысяч рублей. А результаты? Плотничьи и столярные работы выполнены из сырого материала, крыша течёт, штукатурка отваливается, печь после первой топки разнесло, рамы и двери вылетают и срываются, — одним словом, не Дом культуры, а карточный домик.

Когда дети строят из карт домики, никто не возражает: это государству ничего не стоит. Когда же взрослые строят карточные домики и тратят на это сотни тысяч рублей, согласись, что удовольствие это очень дорогое. Если они хотят забавляться, пусть забавляются за свой собственный счёт.

ГОРЮШИН

С. Чернуха,
Горьковской обл.

Уважаемый Крокодил!

Не знаю, за какие грехи я получил в премию велосипед. Ведь я не могу на нём ездить. То есть ездить, собственно, я научился, но, к великому сожалению, не овладел ещё секретом, как добыть номер на право езды.

Обращался я в райкоммунхоз, пытал счастья и в горкоммунхозе, но там этих номеров нет и в помине и, как обнадеживающе мне заявили, неизвестно, когда будут. А автоинспекция между тем категорически запрещает пользоваться велосипедом без номера.

Вот какой неприятный получается номер с номерами для велосипедов!

И. ШАПИРО

Днепропетровск.

Дорогой Крокодил!

В один из солнечных дней 1942 года председатель Секретарского райисполкома тов. Бондарев явился на центральную улицу райцентра и сказал:

— Да будет баня!

Сказано — сделано. Не прошло и шести лет, как баня была готова. Но когда жители, собрав в узелки бельё, мыло и мочалки, пришли мыться, они уже застали там тов. Бондарева.

— Да будет свет! — воскликнул председатель и приказал переоборудовать баню в электростанцию.

Сказано — сделано. Не прошло и шести дней, как в бывшей бане появились электрики. Электрики появились, но света до сих пор нет.

Ныне из хорошо информированных кругов стало известно, что неутомимый председатель намерен переделать электростанцию в Дом культуры, а Дом культуры — в водонапорную башню.

Возможны и другие варианты.

И. ЕРОФЕЕВ,
редактор газеты
«Ленинская правда»

Село Секретарка,
Чкаловской области.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

* В № 15 Крокодил поместил письмо читателя В. Чернышова о том, что в Анапском райпотребсоюзе списали сухофрукты на крупную сумму за счёт крыс. Как сообщает главное управление по делам потребительской кооперации, произведённой по письму ревизией в Анапском потребсоюзе вскрыты крупные злоупотребления.

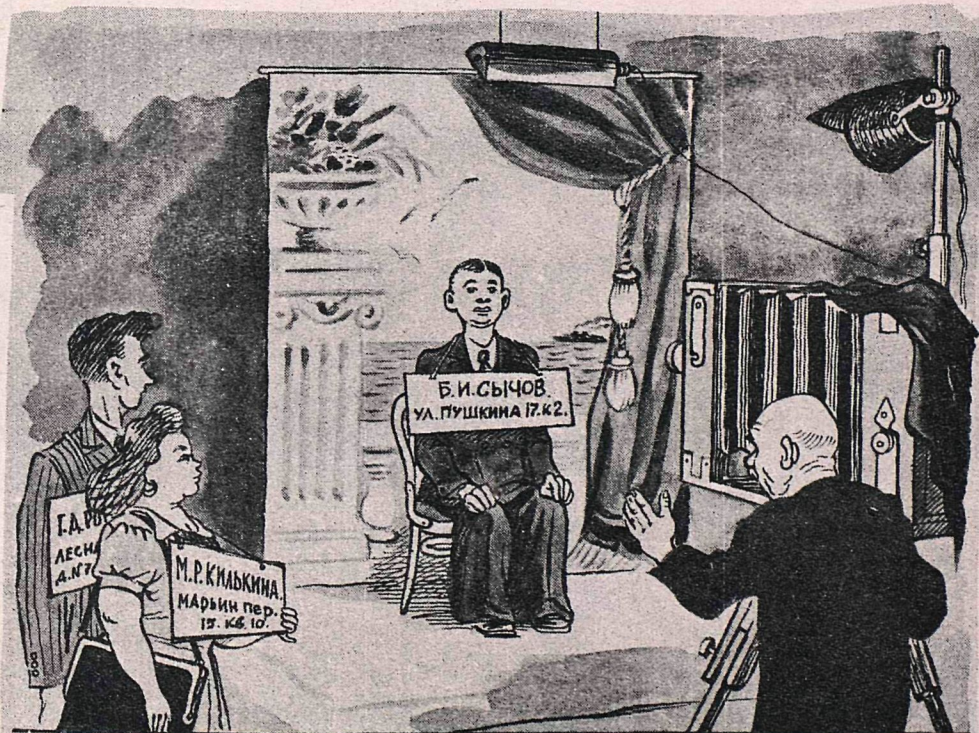
По материалам ревизии арестовано и предано суду несколько человек.

* В № 19 Крокодила была напечатана заметка о ночных заседаниях в тресте «Южтяжстрой». Парторганизация треста признала заметку правильной. Порочная практика ночных совещаний прекращена.

* В бездействующей нефтебазе в Любомле, Волынской области, содержался штат из шести человек. Об этом в № 18 Крокодила был опубликован фельетон «К вопросу о курортах». Приказом по украинскому управлению Главнефтеснаба предложено немедленно сократить весь административный персонал базы. Начальнику Волынского облнефтеснаба Тихонову объявлен выговор.

ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Ну, теперь, гражданин, вас на фотоснимке каждый узнает!

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д-3-32-50, Д-3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц

Изд-во «Правда»

Москва.

Изд. № 632 Подп. к печати 11/VIII 1948 г.

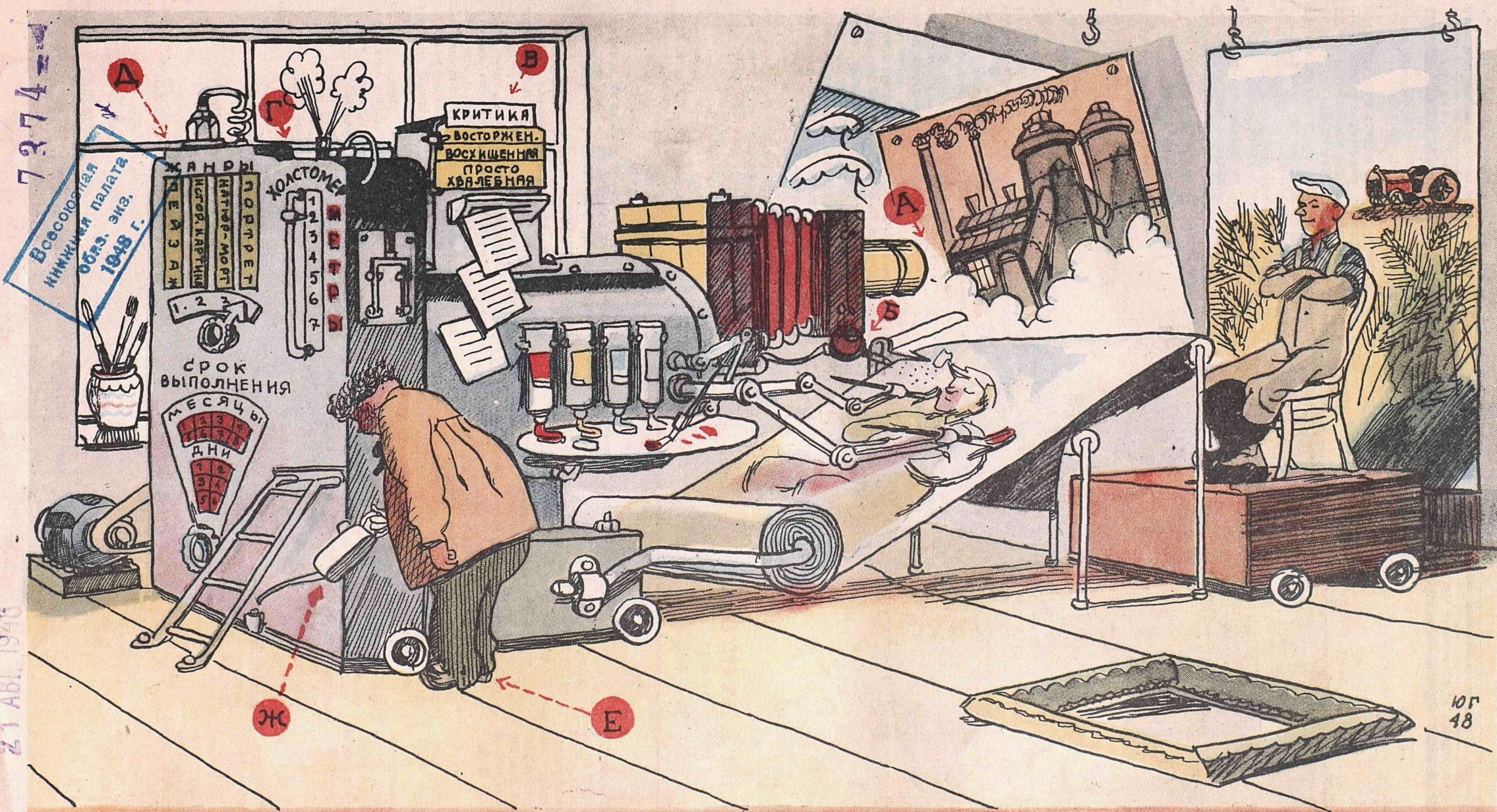
Статформат 72x105 см. Печ. л. 1 1/2.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А-05295

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1871 Тираж 150 000 экз.

Рис. Ю. ГАНФА

На рисунке вы видите живописный комбайн — плод творческих усилий группы видных художников-натуралистов.

Комбайн точно и аккуратно выполняет заказы, не останавливаясь ни перед какими тематическими и техническими трудностями.

Объектив (А), которым заканчивается этот мощный агрегат, позволяет художнику совершенно «объективно» подходить к натуре.

Благодаря аппарату для лакировки (Б) законченная продукция почти без препятствий проходит через самые строгие жюри Управления изобразительных искусств.

Небольшое приспособление (В) помогает художнику в его работе, механически выпуская самую благожелательную критику. Критика может выходить одновременно в нескольких вариантах (например, для газеты «Советское искусство», для журнала «Творчество» и т. д.).

Это приспособление заменяет труд $3\frac{1}{2}$ изокритиков, которых с большей пользой можно использовать на другой работе.

Переключатель жанров (Д) помогает художнику-натуралисту быстро переключиться автоматически с автопейзажа или автонатюрморта на автопортрет и т. д.

Холстомер (Г) заранее регулирует метраж будущего произведения в точном соответствии с кубатурой выставочного зала и гонораром художника.

Таким образом, живописный комбайн выполняет целый ряд производственных процессов, а художнику-натуралисту (Е) остаётся одно — работать маслом (Ж).

7374

21 APR 1948

ЮГ
48

50